

А.А.Галкин, Ю.А.Красин

АВТОРИТАРИЗМ ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ: ТРУДНЫЙ ВЫБОР ДЛЯ РОССИИ

Осенью 1998 г. издательство «Весь мир» выпустило нашу книгу: «Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития». Редакция журнала «ПОЛПНЯ» предложила нам ознакомить читателей с основными идеями, представленными в этой книге. Откликаясь на это предложение, мы подготовили приводимый ниже текст. Как всякое чрезмерно краткое изложение, он связан с потерями. Однако они не настолько велики, чтобы «обкорнать» мысли, столь дорогие авторам.

* * *

Авторитарные тенденции в современном российском обществе – печальная реальность. За ними не просто инерционная дань многовековой традиции, закрепленной в особенностях политической культуры и социальной психологии. Налицо объективные условия, питающие эти тенденции: экономические, социальные, государственно-институциональные (политические), культурно-ценностные.

Экономические предпосылки связаны с тем, что быстрый распад централизованно управляемой экономики при практически полном отсутствии рыночных механизмов регулирования привел к потере управляемости хозяйственными процессами. В этих условиях (особенно после провала радикально-либеральных экспериментов, которые, по замыслу инициаторов, должны были автоматически обеспечить переход к демократии и рынку) возросло стремление преодолеть кризис с помощью сильных рычагов неэкономического воздействия. Одновременно в стране сложились олигархические финансовые структуры, тяготеющие к авторитарным методам правления.

Авторитарные тенденции проявляются в трех основных разновидностях. Во-первых, в стремлении сохранить и реставрировать систему государственного патернализма и социального иждивенчества. Во-вторых, в ставке на возможность «твердой рукой» надежно и быстро обеспечить правовые и политические условия для развития рыночной экономики. В-третьих, в криминально-мафиозном перерождении целых сегментов народного хозяйства. Все эти разновидности взаимосвязаны, и, по-видимому, следует ожидать возникновения тех или иных комбинационных вариантов.

Социальные предпосылки авторитаризма возникли как прямой результат кардинальных изменений в положении, роли и взаимоотношениях в российском обществе. Резкая ломка жесткой системы связей опрокинула устоявшуюся иерархию социальной идентификации. При отсутствии адаптационных амортизаторов, опрометчивом разру-

шении ранее существовавших социальных гарантий и неопределенности перспектив общественного развития большие группы людей оказались выбитыми из привычных жизненных ниш, лишенными социальных ориентиров и статуса, неспособными найти свое место в потоке быстрых перемен.

Возникли и новые формы отчуждения, порождаемые разрушением общих условий общественного бытия, обнищанием и незащищенностью широких слоев населения, коррумпированностью и некомпетентностью власти, негативными последствиями «дикого» рынка.

В обстановке неустроенности и неопределенности, утраты идеалов и перспектив масса людей ищет утерянную идентичность и сферу самовыражения за пределами общественных структур. Их социальная активность проявляется в приверженности сильным лидерам политических, национальных или даже мафиозных образований, группирующим вокруг себя «команды» сторонников. Создается социальная среда для разрастания nepотизма, способствующего и сопутствующего авторитарным тенденциям.

Государственно-институциональные (политические) предпосылки авторитаризма обусловлены распадом прежней системы административных институтов, обеспечивавших в прошлом функционирование государственного организма как единого целого. Созданная на ее месте альтернативная система оказалась неспособной обеспечить ни эффективное прохождение управленческих импульсов сверху вниз, ни корректирующее воздействие обратных импульсов – снизу вверх. Коренные пороки прежней системы управления оказались не ликвидированными, а как бы возведенными в степень. А это, в свою очередь, породило в обществе стремление к поиску формулы «действующей государственной власти».

Вместе с институтами тоталитарной власти рухнули и основанные на принуждении регулирующие и контролирующие механизмы общественно-политической жизни. В то же время немедленное создание принципиально новых механизмов оказалось невозможным в силу отсутствия главного условия работающей демократии – зрелого гражданского общества.

Перед угрозой полного распада власти, чреватого анархией и гражданской войной, произошел «откат» к прежним методам управления. В структурах новой власти (президентской, правительственной, региональной) за демократическим фасадом стали формироваться властные институты, весьма близкие по своей направленности и способам деятельности к тем, которые существовали в прежней системе. Возникли и новые, мощные в финансовом отношении олигархические структуры. Тем самым авторитарные тенденции получили инструментально-аппаратные и финансовые рычаги для своей ре-

лизации и исходную базу для начавшейся институционализации авторитарного правления.

Каково же отношение российского населения к авторитаризму?

В принципе ни одно общество не свободно от совокупности лиц, менталитет и ценностные ориентации которых относятся к авторитарному типу. Он характеризуется неприятием индивидуальной свободы как самоценности, стремлением подчинять и готовностью подчиняться, склонностью воспринимать информацию не самостоятельно, а в соответствии со сложившимися стереотипами, нетерпимостью ко всему выходящему за рамки привычного, способностью легко вписываться в окружающую общность, растворяться в ней, обретая в этом высший смысл существования и т.д. Обычно лица с таким типом сознания составляют незначительное меньшинство, занимают в обществе маргинальное положение и не оказывают заметного влияния на политическую жизнь.

Россия не представляет собой исключения. Конечно, особенности ее непростого исторического пути сказались на народной ментальности и привели к некоторому увеличению авторитарно ориентированной части населения, не настолько, однако, чтобы это имело определяющее значение.

Авторитарные тенденции в российском обществе обретают массовых сторонников — реальных и потенциальных — не потому, что здесь много носителей соответствующего типа сознания, а потому, что к этому подталкивает кризис власти, ее дисфункциональность.

Убеждаясь в слабости властных структур и взвешивая масштабы подлежащих решению задач, люди приходят к заключению, что власть должна быть сильной. Под этим общим знаменателем в общественном сознании утверждается система политических ценностей, для которой характерны такие ключевые понятия:

— безопасность, понимаемая как готовность и способность власти справиться с захлестнувшей Россию криминальной волной, обеспечить гражданам защиту от своеволия чиновничества, неформальных вооруженных формирований, положить конец международным конфликтам;

— законность, трактуемая как стабильный порядок, при котором обеспечены преемственность и нерушимость юридических актов, гарантированы права собственности, поставлены пределы коррупции, пораженной управленческие структуры;

— державность, отражающая чувство оскорбленного национального (государственного) достоинства и предостерегающая проведение политического курса, способного создать условия для реализации реинтеграционных процессов на территории бывшего СССР, остановить попытки дальнейшего дробления Российской Федерации, поправить интересы России странами ближнего и дальнего зарубежья, восстановить ее международный авторитет;

— ценностный традиционализм, ориентированный на такие уходящие корнями в прошлое представления, как уважение к труду, семье, профессионализму, религиозной морали, неприятие разграбления общественного достояния, ростовщичества, спекуляции, чрезмерного социального расслоения.

Стремление к утверждению перечисленной совокупности ценностей имплицитно ориентировано на некую силу («твердую руку»), готовую и способную кардинально решить накопившиеся проблемы. Иными словами, эта ориентация связывается в общественном сознании с установкой на авторитарные формы правления.

В односторонне «авторитаризованном» восприятии «сильной» власти рассмотренный выше набор понятий не согласуется с рядом основополагающих ценностей демократии: политическим и идейным плюрализмом, представительной системой правления, ответственностью парламентариев перед избирателями, исполнительной власти перед парламентом и т.д. Демократическим принципам, дискредитированным в глазах населения практикой правления радикальных и номенклатурных демократов, противопоставляется элитарность; результаты выборов трактуются как проявление незрелости электората, парламентская деятельность — как бесполезная трата средств и времени.

* * *

Точка зрения, согласно которой только авторитарная форма правления может вывести страну из той критической ситуации, в которой она оказалась, приобретает сейчас характер повальной моды. Как это обычно бывает, диапазон взглядов на то, каким конкретно должно быть такое правление, весьма широк. Есть апологеты жесткого авторитаризма, немногим отличающегося от тоталитаризма, приверженцы либерального авторитаризма, предполагающего сочетание авторитарного правления с сохранением правовых институтов и некоторых элементарных свобод для граждан, сторонники временного авторитаризма, который, выполнив свои функции, должен уступить место демократическим институтам, и т.д. Предлагаются также различные юридические формы авторитаризма: президентская республика с концентрацией основных властных функций в руках президента, военная диктатура наподобие всевластия милитаристских хунт в Латинской Америке и, наконец, монархическое устройство с вариациями — от самодержавия до квазилиберальной конституционной монархии.

Поскольку речь об утверждении авторитарной формы политического строя ведется всерьез, следует в полной мере взвесить все его возможные последствия для общества.

Авторитарные режимы, если исходить из исторического опыта, могут проявить положительные качества в трех случаях. Во-первых, когда страна становится жертвой внешней агрессии, угрожающей са-

тому ее существованию. Авторитарному режиму проще, чем любому другому, осуществить концентрацию материальных ресурсов, идейно мобилизовать население на защиту страны, внушить вооруженным силам веру в победу, обеспечить бесперебойную работу тыла. Во-вторых, когда страна оказалась ввергнутой в пучину гражданской войны. Авторитарной власти существенно легче одержать победу в ходе гражданских междоусобиц и найти пути компромисса, приемлемого для всех сторон. В-третьих, в обстановке прогрессирующего развала общественных структур. Если обычные политические средства не в состоянии помешать такому развалу, а основные общественно-политические силы либо дискредитированы, либо пребывают в параличе, установление авторитарного режима может оказаться единственным выходом из грозящей катастрофы.

Существует, однако, и другая сторона медали. Человеческое общество не раз убеждалось, что для авторитарных режимов характерны такие изъяны, которые сводят на нет преимущества, отмеченные выше. Что это за изъяны?

Утвердившись, авторитарные режимы быстро теряют эффективность. Их мобилизационная способность проявляется недолго. Действенность, по существу, имитируется, а результаты подменяются «показухой». Решение проблем оказывается фикцией и влечет за собой возникновение новых, зачастую более сложных, чем те, от которых вроде бы удалось избавиться.

Тяжелые последствия влечет за собой паралич системы саморегуляции субъектов общественной жизни. Волонтаристские решения, принимаемые авторитарной властью, нарушают сбалансированность общества. Блокирование обратной связи с нижестоящими звеньями иерархической вертикали лишает центр принятия решений правдивой информации о происходящих в обществе процессах. Тем самым утрачивается способность режима, опираясь на информацию о реакции общества на политику центра, вносить коррективы как в стратегическую линию, так и в конкретные решения.

В результате концентрации власти в руках одного лица (или узкого круга его приближенных) резко снижается степень управляемости обществом. Это объясняется как объективно ограниченным кругом проблем, которые способен оценить и решить один человек, так и тем, что принимаемые решения неизбежно деформируются под воздействием односторонности получаемой информации и придворных интриг.

Иллюзорным является также представление, будто в нынешнем социуме при авторитарной власти можно создать безотказно действующую управленческую вертикаль, адекватно передающую импульсы, поступающие сверху. Такая вертикаль существовала (и то далеко не в идеальной форме) лишь в сравнительно примитивных обществах.

Чем более развитыми и сложно структурированными становились общественные системы, тем меньшей была ее эффективность.

На каждом отрезке авторитарной управленческой вертикали возникают отклоняющие «шумы», вызываемые индивидуальными или групповыми интересами, далеко не совпадающими с интересами верхов. В ряде случаев, прежде всего в недостаточно стабильном обществе, отклоняющие «шумы» становятся настолько сильными, что исходное содержание импульсов исчезает уже на верхних ступенях иерархической лестницы.

Преодоление отклоняющих «шумов» создает потребность в огромном числе контролеров, что влечет за собой трудно регулируемый рост бюрократического аппарата. Чаще всего контролеры сами попадают под воздействие отклоняющих «шумов», создавая проблему контроля за контролерами. К этому следует добавить, что современное общество очень динамично и, по существу, находится в состоянии постоянного изменения. Авторитарное управление не приспособлено к этой динамике ввиду своей неповоротливости и негибкости.

Одно из самых уязвимых проявлений авторитаризма – ущербная форма кадровой селекции. Определяющее значение для подбора и выдвижения работников приобретают не профессионализм и квалификация, не способности и нравственные качества, а личная преданность, угодливость и беспрекословная исполнительность. Принципиальным и самостоятельным людям места в управленческой системе не остается. Конечным результатом подобной негативной селекции может стать частичный (а иногда даже полный) паралич управления.

Авторитаризм обычно не предполагает регулярной смены власти. Авторитарный лидер, как правило, добровольно не отказывается от своих функций. Он либо умирает, либо становится жертвой насильственного переворота. Установленный им режим обычно продолжает существовать, разлагаясь и все больше изолируясь от общества, до тех пор пока не рухнет под давлением обстоятельств. Поэтому расчеты на временное установление авторитарных порядков, которые, сделав свое дело, беспрекословно уступят место другим, в большей степени отвечающим потребностям общества, – из числа благочестивых фантазий.

В последние десятилетия в связи с крушением тоталитарных режимов в Азии, Африке и Латинской Америке, а затем в странах Восточной Европы, в политической науке появились относительно позитивные оценки авторитаризма как промежуточной ступени на пути перехода освобождающихся от тоталитаризма обществ к демократии. Предполагается, что на начальном этапе трансформации общества авторитарный аппарат власти возьмет на себя, по определению американского политолога Адама Пржеворского, функции «опекунской де-

¹ Przeworski A. *Democracy As a Contingent Outcome of Conflicts // Constitutionalism and Democracy*. N.Y., 1988. P. 60–61.

² Tocqueville A. *Democracy in America*. N.Y., 1990. Vol. II. P. 318.

мократии»¹. О подобных рассуждениях относительно «мягкого деспотизма», «похожего на власть родителей», весьма иронически отзывался еще классик политической социологии А.Токвиль. Цель подобной формы правления, писал он, заключалась бы не в подготовке народа к «возмужанию», а в том, чтобы удерживать его в состоянии «увекоченного детства»².

Ссылки на экономические успехи авторитарных государств, используемые в политической публицистике, основаны, как правило, на искаженной интерпретации исторических реалий. В большинстве случаев (Испания, Чили, Бразилия) экономический подъем был обусловлен не утверждением авторитарных режимов, а их разложением, осознанной авторитарными верхами необходимостью пойти на ослабление жестких методов управления обществом, либерализовать контроль не только над экономическими, но и социально-политическими процессами. В свою очередь экономический подъем ускорял разрушение устоев авторитарных режимов, способствовал их окончательному краху.

Тесная взаимосвязь экономического роста с деятельностью авторитарных режимов в ряде стран Азии (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Индонезия, Малайзия) объясняется не тем, что эти режимы были эффективны, а тем, что они сформировались в рамках традиционной для этого региона авторитарной государственности. Экономическое развитие оказалось втиснутым в эти исторически сложившиеся государственные формы потому, что не могли возникнуть неавторитарные формы государственности. При этом авторитарные режимы не столько содействовали экономическому росту, сколько приспособлялись к нему, нередко оказывая тормозящее воздействие.

Применительно к России «просвещенный авторитаризм», выступающий в роли «поводыря» российской демократии, – в еще большей степени романтическая иллюзия, чем в каком бы то ни было ином случае. Не имея противовеса в лице лишь зарождающегося гражданского общества, авторитарный режим, каким бы «мягким» он ни был у истоков и каковы бы ни были намерения его творцов, будет неизбежно подчинен логике обретения абсолютной власти.

Теоретически в нынешней российской ситуации можно представить себе три варианта авторитарного режима.

Первый – мягкий (квазидемократический), при котором сохраняются основные экономические и политические свободы, но ограничивается определенный весьма важный круг демократических прав, позволяющих контролировать действия власти. Скажем, временно отменяются выборы в представительные органы власти, сводится на нет парламентский контроль за правительством, по существу устраняется разделение властей.

Второй – более суровый, характеризующийся доминированием в политической сфере традиционных авторитарных методов: роспуск парламента, подавление оппозиции, запрет деятельности партий, ограничение свободы слова и других политических свобод. Одновременно допускается и поощряется широкая либерализация хозяйственной деятельности.

Третий – жесткий авторитаризм, приближающийся к тоталитаризму и при определенных условиях переходящий в него. Для его установления недостаточно одних экономических трудностей. Но если они соединятся с обострением всех социальных проблем (в том числе национальной и внешнеполитической), то правящие круги могут прибегнуть к тотальному государственному регламентированию и контролю над всеми сферами общественной жизни.

До сих пор устремлениям такого рода в решающей степени препятствовали факторы и обстоятельства, противостоящие авторитаризму. Среди них наиболее значимы следующие:

— свежий в памяти миллионов людей негативный опыт функционирования жесткой этатистско-патерналистской системы и ее губительные последствия;

— нежелание интеллектуальной и политически активной части граждан пожертвовать достигнутыми демократическими завоеваниями;

— начавшийся процесс становления самостоятельных субъектов социально-экономической жизни, еще недостаточно мощных, но уже обладающих значительным антиавторитарным потенциалом;

— гетерогенность правящей элиты, препятствующая ее сплочению вокруг одной личности с достаточно цельной объединяющей программой действий;

— неравномерность и неоднозначность экономического, социального и политического развития регионов России, препятствующие формированию монолитной системы авторитарных институтов;

— отсутствие на политической арене достаточно влиятельной политической силы, располагающей национально признанным лидером и готовой к роли каркаса авторитарного режима.

В силу этого в России пока нет целостного, системно-институализированного авторитарного режима. До сих пор происходило постепенное фактическое вхождение в «авторитарную ситуацию» – состояние, при котором правящие группировки, сохраняя фасад конституционной легитимности, узурпируют властные функции. Осуществлялось это скрытно, за кулисами официального политического процесса, как правило, незаметно для общественности. В нормах и процедурах, по-видимому, ничего не менялось, а на деле происходило блокирование демократических каналов осуществления власти и контроля за ней, прикрываемое имитационными маневрами. Центр тяжести в выполнении властных функций все больше перемещался в

сферу взаимоотношений узких групп лиц, образующих опору авторитарной власти.

Угроза «авторитарной ситуации» заключается в том, что она вполне может оказаться промежуточным этапом на пути к произвольному использованию принудительных силовых и административных действий там, где демократия обязывает к поиску согласия и компромиссов. «Авторитарная ситуация» опасна и инерционностью длительного существования такого положения, при котором социальные группы и индивиды привыкают к состоянию равновесной неопределенности и переключают энергию своей жизнедеятельности в сферу частного или личного интереса. Подобного рода инерционность становится трудно преодолимым препятствием к оздоровлению общества и формированию массовой демократической культуры.

В условиях резкого обострения кризисных процессов «авторитарная ситуация» может превратиться в стартовую площадку для перехода к неприкрыто авторитарным способам управления.

* * *

Сказанное отнюдь не означает, что нынешнее наступление авторитаризма является порождением некоей фатальной предопределенности, неотвратимым предначертанием российской судьбы. Негативным тенденциям может быть противопоставлена воля тех, кто не приемлет деспотизма и автократии, в каком бы облике они не выступали.

Очевидно, что России необходима сильная демократия, способная противостоять авторитаризму, вывести страну из кризиса, обеспечить безопасность и благополучие граждан. Возможна ли в наших условиях такая демократия? Быть может, рассуждая о ней, мы всего лишь изливаем тоску по чему-то желанному, но несбыточному? Позиции авторов книги предельно определены. Для сильной демократии в России есть важные предпосылки. Вопрос в том, в какой степени они могут и будут использованы обществом – социальными силами, политическими партиями, властвующей элитой.

Рассмотрим эти предпосылки.

Важнейшее условие становления и функционирования сильной демократии – активная включенность в политический процесс максимально большей части населения. Такая включенность, естественно, должна быть не поверхностной, искусственно стимулируемой. Она действительна только в том случае, если ее основу составят внутренние потребности и интересы людей. Но если это условие соблюдено, устойчивость общественной системы, как и ее эффективность, повышаются многократно. Общество не отторгает, не искажает управленческие импульсы, идущие сверху, а, напротив, мультиплицирует их. Бюрократические отклонения перехватываются и элиминируются. Обратная связь, призванная уточнять и корригировать такие импульсы, выполняет эту функцию в оптимальном режиме.

Пока такая включенность и основанная на ней политическая активность находятся на недостаточно высоком уровне, тем не менее, возможны сдвиги к лучшему. Разочарование, усилившееся ходом событий в стране, неверие в возможность влиять на политический процесс способствовало сублимации политической активности в неполитические формы, прежде всего в экономическую активность. Это, однако, свидетельствовало не столько о деполитизации населения, сколько о переходе политической активности в латентную форму. При изменившейся обстановке такая активность начинает проявляться открыто.

Само по себе накопление потенциала массовой активности не ведет к сильной демократии. Для ее становления необходимо, чтобы политическая энергия различных общественных групп и слоев реализовалась в рамках демократического процесса. Но это, в свою очередь, предполагает структурирование социальных интересов населения, которое, будучи самостоятельным фактором накопления энергии политической активности, одновременно должно создавать предпосылки для ее целенаправленного и организованного выражения.

Такое структурирование интересов требует времени. Вместе с тем уже сейчас идет складывание коллективных социальных субъектов, которые по их объективному положению в обществе, в том числе в системе собственности, проникаются общими интересами. Нарождающиеся субъекты социально-экономического взаимодействия, заинтересованные в политическом выражении своих особых интересов, начинают искать способы активного включения в политику.

Потенциал политической активности может быть стимулирован сдвигами в общественном сознании и психологии. Люди обрели сейчас свободу в ее так сказать «негативном» выражении, т.е. свободу от связей, сковывавших их возможности, скорее свободу «от», чем свободу «для». На уровне сознания произошло освобождение от идеологического конформизма, подавлявшего критическое отношение к действительности и примирявшего с ней.

Конечно, это лишь первый шаг на долгом и сложном пути. Вторым шагом должно стать обретение «позитивной» свободы, т.е. способности осознанного выбора целей участия в реформации общества, выработки адекватных им форм социальной солидарности. До такого переломного рубежа еще далеко. И в этом заключается главная причина того, что энергия массового действия, накапливающаяся в недрах российского общества, не находит пока адекватного политического выхода.

Вопрос о сильной демократии – это вопрос не только об активности масс, но и о состояниях и возможностях элиты как субъекта политической мобилизации. Ограниченность возможностей нынешней элиты в этом плане определяется тем, что ее деятельность разнонаправлена, а демократическая составляющая объединительных усилий – стимули-

рование массовых общественно-политических сил (социальных слоев и общественных групп) к самоуправлению и самоорганизации – выражена наиболее слабо. Преобладает иная тенденция: удержание собственных властных позиций любыми средствами. Ясно, что такая целевая установка не в силах пробудить энергию массового движения. Важнейшее условие торжества сильной демократии – преобразование нынешней правящей элиты.

Сильная демократия, естественно, нуждается в совокупности политических и правовых институтов, которые принято считать атрибутами представительной демократии. Некоторые из этих институтов в России уже имеются. Однако их, по видимому, еще не следует рассматривать в качестве целостной демократической системы. Причем дело не только в неполноте и дефектах собственно политических и правовых институтов, в нарушении демократических принципов их взаимодействия. Даже идеальная модель институтов не станет базой сильной демократии, если в обществе не утвердилась совокупность общедемократических норм, определяющих жизнедеятельность политической системы.

Институциональная база сильной демократии выходит за пределы политико-правовой организации общества. Она в не меньшей мере коренится в его культуре и социальных отношениях, каковые, собственно, и находят свое выражение в политической культуре, при которой частные интересы сублимируются в публичный интерес, а последний вбирает в себя все многообразие частных интересов, не подавляя ни одного из них.

В институциональном плане решение этой задачи предполагает четкое разграничение управленческих функций, выполняемых представительными и административными органами различного уровня. Речь идет не просто о перераспределении власти, в результате которого центр принятия политических решений переносится в нижестоящие административные структуры. Без спецификации функций, выполняемых различными структурами управленческой пирамиды, подобный перенос способен привести лишь к дальнейшему ослаблению центральной власти и стимулировать центробежные тенденции.

Таким образом, дело не сводится к передаче ответственности за проводимую политику региональным органам. Необходим учет объективной специфики задач, выполняемых на четырех ступенях сложно структурированного общественного организма: а) в первичной территориальной ячейке (микрорайон, небольшой населенный пункт), б) на муниципальном уровне, в) в регионе и г) в государстве в целом.

Институты сильной демократии – потребность демократического развития России, причем потребность долговременная. Наивно было бы думать, что эти институты будут созданы в кратчайшие сроки. Важно поэтому, чтобы за отдаленной перспективой не утрачивалась

политическая воля для решения нынешних конкретных проблем, создающих предпосылки для будущего. Главная из них сегодня – восстановление утерянного за последние годы политического доверия к властным политическим структурам и власти вообще с опорой на демократические институты.

На протяжении ряда столетий демократические формы правления неоднократно проявляли себя как наиболее эффективный инструмент активизации и мобилизации граждан. На это обращал внимание уже упоминавшийся А.Токвиль. «Демократия, – отмечал он, – не обеспечивает людям наиболее квалифицированное управление, но она производит то, что часто не могут создать способнейшие правительства, а именно – всепроникающую и неумную активность, сверхмощную силу и неотделимую от нее энергию, которая способна творить чудеса, какими бы неблагоприятными ни были обстоятельства»³.

³ Ibid. P. 252.

Все это, в свою очередь, покоится на доверии, вызываемом причастностью каждого гражданина к реализации того, что воспринимается им как общий интерес.

В конкретных условиях нынешней России это означает, что очередной «транш» политического капитала при сохранении демократических форм правления власть может получить лишь в том случае, если обществу будет представлено убедительное свидетельство готовности верхов, решительно порвав с проводимым ранее курсом, пойти на существенные изменения в проводимой политике. Таким свидетельством, насколько можно судить на основании опыта других стран, обычно служат институциональные изменения, открывающие большие возможности влияния общества на политические решения, и достаточно радикальные кадровые перемены, предполагающие выдвижение на решающие государственные позиции деятелей, обладающих безусловным общественным авторитетом.

Первостепенное значение имеют в этой связи и внешние атрибуты поведения верхушки правящей элиты. Ее образ жизни должен демонстрировать то крайне важное для общественного сознания обстоятельство, что представители высших эшелонов власти не считают себя небожителями, возвышающимися над обществом и призванными «володеть и править», но осознают свою роль чиновников, наделенных определенными правами и несущих ответственность перед гражданами за исполнение своего служебного долга.

Наряду с этим необходимо осуществить комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как свидетельство серьезных намерений повернуть ход событий в правильном направлении и искренняя забота о благе рядового гражданина. Так, в способность власти положить конец коррупции и массовой преступности население поверит только тогда, когда убедится в том, что главные коррупционеры действительно получили по заслугам, что

за массовое хищение государственной собственности (метко названное населением «прихватизацией») последует реальное наказание. Граждане проявят готовность взвалить на себя тяготы, неизбежные в процессе выхода из крайне тяжелой экономической ситуации, только в том случае, если они будут распределяться, по возможности, равномерно. Имеющиеся ресурсы должны быть использованы так, чтобы можно было гарантировать выживание групп населения, наиболее пострадавших от развала экономических и государственных структур.

Очень важно также, чтобы структурные преобразования, являющиеся составной частью антикризисных усилий, осуществлялись с учетом новых реалий мирового развития, создавая тем самым предпосылки для дальнейшего движения вперед. В противном случае вновь возникшее доверие очень быстро сменится разочарованием.

Не следует при этом опасаться столь модного ныне обвинения в популизме. Кстати, нелишне вспомнить в этой связи, что популизм — вариант перевода на латынь греческого понятия демократия.